

Нефть, террор и бессилие ОПЕК: почему цены больше не реагируют на конфликты

Петр Казначеев Директор Центра сырьевой экономики РАНХиГС

2015 год завершается на фоне резкого падения нефтяных котировок – январские фьючерсы Brent опустились [ниже \\$37](#) за баррель. Последний раз они достигали этого уровня семь лет назад, в декабре 2008-го, когда в мире бушевал финансовый кризис. Признаки надвигающейся бури возникли после сессии ОПЕК 4 декабря, когда цена пробила психологический барьер \$40 за баррель. Нежелание и неспособность ОПЕК снизить квоты на добычу ознаменовали **первый нефтяной тренд уходящего года** – утрату организацией функций картеля. В прежние годы вооруженное противостояние на нефтеносном Ближнем Востоке моментально дало бы повод для отскока нефтяных цен. Для этого достаточно было бы стремительного распространения исламистов, терактов в Париже или сбитого Турцией российского Су-24. Но теперь ситуация поменялась. **Второй нефтяной тренд 2015 года** – демилитаризация и переход в стадию «нефтяного дзена». Энергетический рынок практически перестал реагировать на вооруженные конфликты в исламском мире.

Осторожные Саудиты и ослабление ОПЕК

Перед встречей ОПЕК в Вене 4 декабря многие в России лелеяли надежду, что страны картеля все же договорятся о снижении квот на добычу. Это могло бы хоть как-то выправить ситуацию, дав толчок нефтяным котировкам. Но этим надеждам не суждено было сбыться. Решение ОПЕК превзошло самые консервативные ожидания: картель не только не снизил, а даже несколько [повысил квоты](#) на добычу нефти – с 30 млн до 31,5 млн баррелей в сутки. Позиция Саудовской Аравии, которая по-прежнему задает тон в картеле, за последние полтора года осталась непреклонной: сокращение добычи не в интересах королевства.

В основе саудовской позиции лежит вполне прагматичная логика, а также усвоенные уроки прошлых лет. Главная причина в том, что сокращение добычи Саудовской Аравией (а именно ей пришлось бы взять на себя основной удар в ОПЕК) всерьез не повлияло бы на цену нефти – изменение котировок было бы столь незначительным и кратковременным, что просто не оправдало бы для королевства сокращения его доли на рынке. Вместе с этим другие производители, прежде всего США, не входящие в картель, попытались бы извлечь из этого выгоду, заполнив своим товаром освободившуюся рыночную нишу.

Мультимиллиардер и член династии Саудитов принц Альвалид бин Талал, которого называют «саудовским Уорреном Баффетом», вполне понятно [сформулировал](#) смысл нынешней политики Саудовской Аравии еще перед прошлой, летней встречей ОПЕК: «Сократив добычу, Саудовская Аравия пострадала бы дважды: во-первых, за счет падения производства, а во-вторых, из-за снижения цен». Что-то подобное Саудовская Аравия уже испытала в первой половине 1980-х годов. Тогда она сократила добычу до рекордного минимума – с 10,3 млн до 3,6 млн баррелей в сутки, но падение цен остановить не смогла. В итоге на прежние уровни добычи Саудовское королевство вышло только через двадцать лет, а долю на рынке так и не

восстановило. Теперь у династии Аль Сауд нет желания повторять прошлые ошибки.

Есть и еще одно обстоятельство. Соблюдение прежнего декларируемого максимума 30 млн баррелей в сутки признано фактически невозможным – в реальности члены ОПЕК постоянно нарушали квоты и выходили за этот уровень. Поэтому картель просто решил, что называется, отпустить вожжи. Организация нефтеэкспортеров и раньше не отличалась строгой дисциплиной, а сейчас, в условиях обвала цен, наводить порядок и призывать к ответственности стало уже просто некому. Теперь маски сброшены. ОПЕК открыто отказалась от своей основной функции – устанавливать квоты и следить за их соблюдением. То есть, по сути, перестала функционировать как международный картель.

Ослабление ОПЕК, равно как и резкое падение нефтяных котировок, мы видели и раньше. Мир сталкивался с затяжным «медвежьим» рынком нефти – [в 1981–1986 годах](#) обвал был даже более значительным, он составил 72%. Правда, то падение длилось пять лет, а нынешнее пока только полтора, и есть вероятность, что сегодняшняя цена еще не достигла дна. Так что у нас есть все шансы побить рекорд 80-х.

[Теперь маски сброшены. ОПЕК, по сути, перестала функционировать как международный картель](#)

У предыдущих периодов низких цен есть много общего с [НЫНЕШНИМ](#). Как тогда, так и сейчас на мировом рынке нефти возникла критическая масса изменений в спросе и предложении, что и привело к падению цены. Среди основных факторов последних лет обычно называют сланцевую революцию, замедление экономики Китая, а также глобальный прорыв в сторону эффективности энергопотребления. Но есть одна особенность динамики цен на нефть, на которую медиа пока не обратили столь пристального внимания, – это то, какую роль в формировании котировок играют конфликты в исламском мире.

Страх и ненависть на Ближнем Востоке

В прежние годы войны и теракты в регионе, который в международной практике сокращенно называют MENA (Middle East and North Africa), моментально взвинчивали нефтяные котировки. Начало данной связке – насилия на Ближнем Востоке и нефтяных цен – положили конкретные исторические события. Можно даже назвать их точную дату – 6 октября 1973 года – день, когда разразилась война Судного дня.

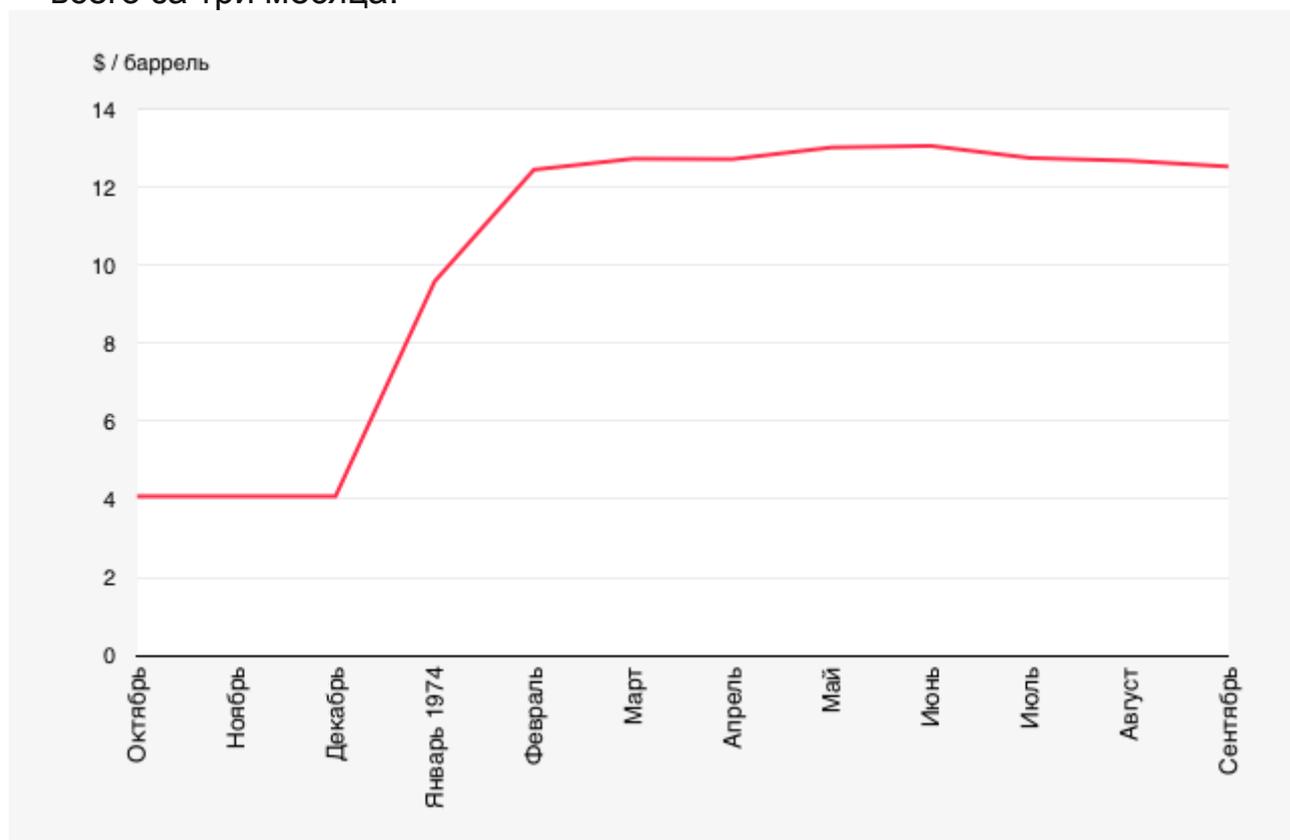

Война Судного дня: израильский танк проезжает мимо сирийского танка. 9 октября 1973 TASS / AP /Spartaco Bodini

Все началось во время иудейского праздника Йом-Кипур, когда армии Египта и Сирии попытались взять реванш за поражение в Шестидневной войне, в ходе которой Израиль получил контроль над землями, в три с половиной раза превосходящими его собственную

территорию. Зная о слабости сирийских и египетских войск в сравнении с силами Израиля, арабские лидеры договорились об усилении своего наступления с помощью «нефтяного оружия». До начала войны Судного дня президент Египта Анвар Садат и король Саудовской Аравии Файсал заключили секретное соглашение об использовании нефтяного эмбарго.

Уже через две недели после начала боевых действий в ответ на решение Никсона о переброске оружия Израилю арабские страны ОПЕК вводят нефтяное эмбарго против США, а позже и против их союзников. За несколько дней уровень добычи арабских членов картеля сокращается на 25%, что приводит к взрывному скачку цен на нефть. Они взлетают с такой скоростью, с которой не повышались ни до, ни после этого кризиса: в номинальном выражении цена за баррель увеличилась с \$4,08 до \$12,45 – то есть более чем в три раза всего за три месяца!

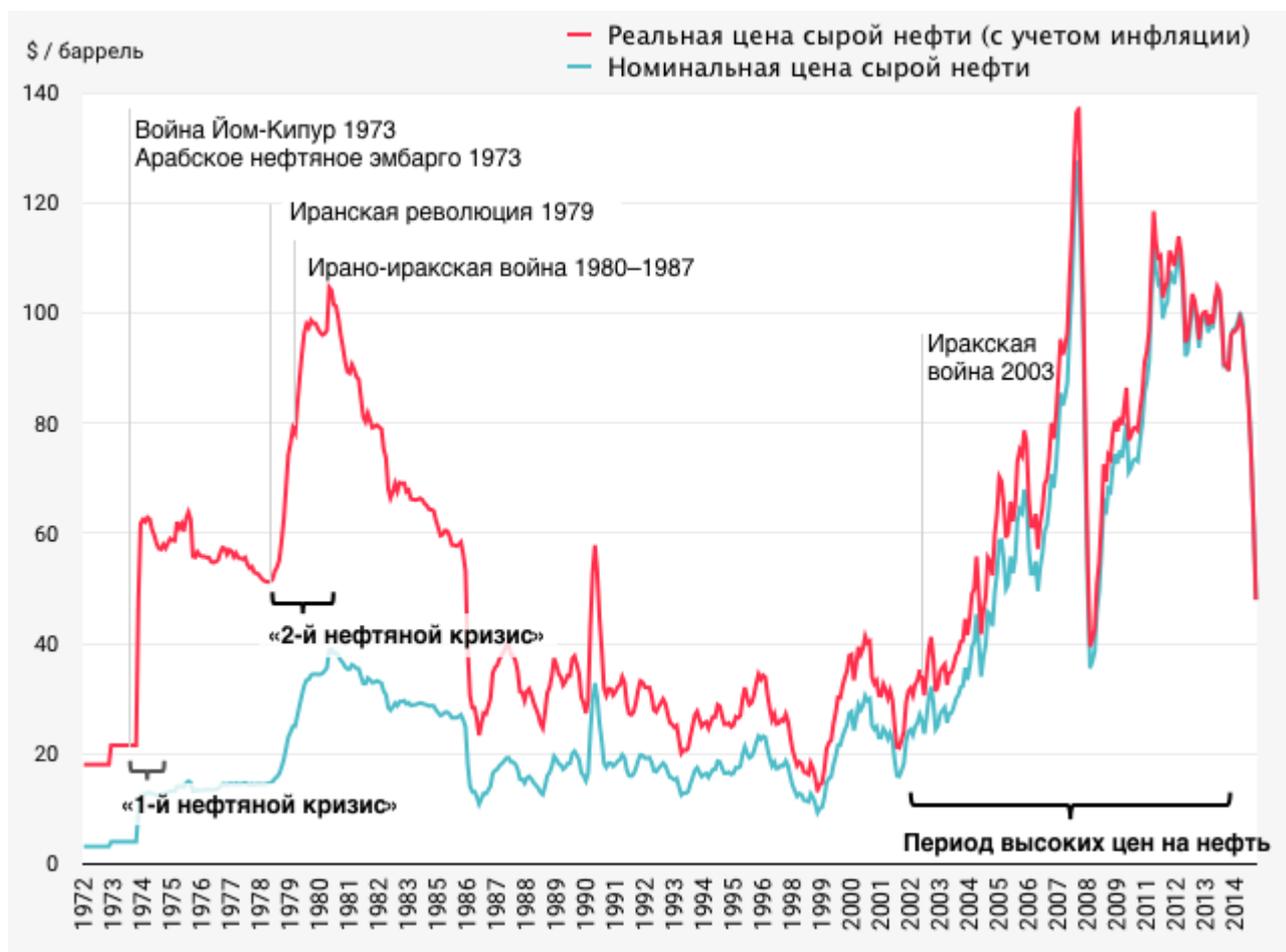

Номинальная цена нефти под влиянием войны Судного дня (1973–1974). Источник: EIA

На каждом витке противостояния в конфликт вовлекались все новые государства. Дело дошло до того, что СССР и Соединенные Штаты заявили о готовности использовать ядерное оружие – мир замер в ожидании. В итоге сработал инстинкт самосохранения, и кризис разрешился дипломатически.

По сути, главные далекоидущие последствия этого конфликта были в сфере экономики и геополитики: он спровоцировал самый большой в истории нефтяной кризис и на десятилетия заложил основы глобальной энергетической архитектуры. Если использовать категории бихевиористской экономики, события 1973–1974 годов были для участников нефтяного рынка своего рода психотравмой. Накал страстей был столь сильным, а скачок цен на нефть столь беспрецедентным, что все это сделало энергетический рынок крайне чувствительным к любым вооруженным конфликтам на территории Ближнего Востока.

Если посмотреть на историю котировок, то хорошо видно, насколько повышение цен соотносилось с конфликтами в исламском мире. Первый и второй нефтяной кризисы были спровоцированы соответственно войной Судного дня 1973 года и началом ирано-иракской войны в 1980-м. Следующий период повышения цен был не скачкообразным, а затяжным и шел по нарастающей более десятилетия (с некоторыми перерывами) – с 2003 по 2014 год. Его начало совпало с военной операцией США в Ираке, которая последовала за терактами 11 сентября 2001 года.

Реальная и номинальная цены нефти по месяцам с 1972 года

Источник: EIA

Получается, что начиная с 1973 года рынок находился в постоянном ожидании конфликтов и нестабильности. Для самих нефтеэкспортеров это было важным негласным подспорьем, ведь лихорадило регион постоянно и довольно сильно. Так что даже если решение ОПЕК по квотам не давало требуемого эффекта, то рано или поздно какой-то конфликт в регионе срабатывал на повышение цены.

«Нефтяной дзен» и демилитаризация

Лавинообразное распространение ИГИЛ (террористической группировки, запрещенной в России) на Ближнем Востоке и в Северной Африке стало классическим событием из разряда [«черных лебедей»](#) Нассима Талеба, которые никто не мог предсказать. И правда, кто мог предположить, что группа религиозных фанатиков

возьмет под контроль территорию в сердце Леванта и Междуречья, провозгласит всемирный «халифат» и распространится в целом ряде стран от Нигерии до Филиппин?

Если посмотреть на эти события с точки зрения нефтяной отрасли, то на первый взгляд все выглядит очень пугающе. ИГИЛ контролирует территории в трех ключевых странах – производителях нефти: Ираке, Нигерии и Ливии. Кроме того, агрессивный «халифат» активно распространяется вблизи основного нефтеносного региона мира – Персидского залива – и потенциально грозит дестабилизировать его военное и экономическое положение. Причем одним ИГИЛ дело не ограничивается. В сентябре прошлого года повстанцы-хуситы захватили Сану, столицу Йемена, а вслед за этим Саудовская Аравия вместе с союзниками начала против них [военную операцию](#) на юге Аравийского полуострова.

Более того, в противостояние вовлекается все больше стран – после терактов в Париже, начала российского вмешательства в Сирии и сбитого Турцией Су-24 противостояние вышло далеко за пределы региона. По многим признакам все это схоже с ситуацией 1973–1974 годов, когда ближневосточный конфликт стремительно раскручивался в глобальный. По многим признакам, кроме одного: сейчас цены на нефть не только не растут, а упорно продолжают свое падение, никак не реагируя на вспышки насилия вокруг центра мирового нефтяного экспорта. Это отчетливо заметно, если сопоставить конфликты последних полутора лет с траекторией цены за баррель Brent. Похоже, что мир в 2015 году уверенно вошел в состояние «нефтяного дзена».

Цена на нефть Brent и события в мире с мая 2014 года

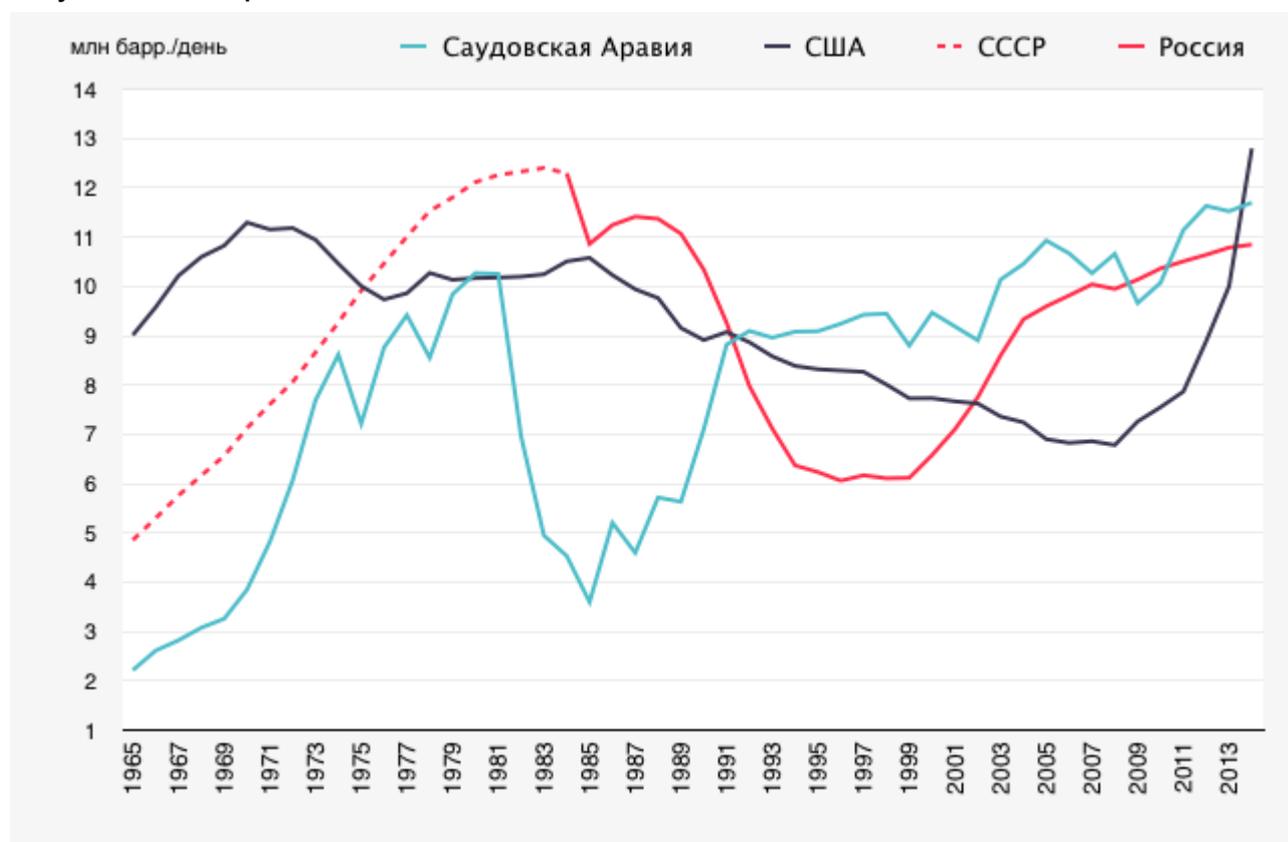
Что же смогло успокоить рынок? Причиной тому, по всей видимости, были глобальные технологические инновации, самым ярким проявлением которых стала все та же сланцевая революция. Она повлияла на цену барреля с двух сторон: во-первых, увеличилось совокупное предложение нефти, а во-вторых, центр тяжести мировой добычи перенесся из стран исламского мира в США. Америка в отличие от Ближнего Востока политически стабильна и не подвержена угрозе гражданской войны, политического экстремизма, национализации собственности и тому подобных дестабилизирующих обстоятельств.

Как следствие, в глобальных масштабах это уменьшило премию за политический риск в цене на нефть. Энергетические рынки в целом стали более стабильными – теперь они сильнее защищены от

политической и военной турбулентности. Нервозность перед лицом войн и терроризма начинает отходить на второй план.

От рынка чиновников к рынку инноваторов

Важно отметить, что в 1970-е годы возникновение сверхчувствительности рынка нефти к военным конфликтам совпало не только с войной Судного дня, но и с усилением роли стран ОПЕК и сокращением доли Соединенных Штатов в глобальном производстве нефти. Именно на 1970-е пришелся пик нефтяных экспроприаций, «ресурсного национализма» и создания энергетических госмонополий. И вот полтора года назад – впервые с 1973-го – США опередили Россию и Саудовскую Аравию по производству нефти. В силу этого, а также технических особенностей сланцевой добычи, о которых я писал [ранее](#), сейчас роль мирового swing producer перешла от Саудовской Аравии к Соединенным Штатам.

Добыча нефти в России, Саудовской Аравии и США с 1965 г. Источник: BP Statistical Review of the World 2014, OPEC Oil Market Report (март 2015)

Соответственно, возможности саудовцев и ОПЕК влиять на цену снизились до исторического минимума. Отсюда их упорное нежелание уменьшать квоты в этом году. Но ослаблением ОПЕК дело не ограничивается – происходящие изменения имеют более серьезные последствия. Рынок, в котором лидерство в производстве топлива перейдет от госмонополий к предпринимателям, будет сильно отличаться от системы доминирующего государственного управления, начало которой было положено в 1970-е.

Контуров нового уклада становятся все отчетливее. **Это будет в большей степени рынок венчурного капиталиста и ученого-изобретателя, чем рынок чиновника и генерала.** Для многих добывающих стран, где производство организовано по старой традиции (Россия, к сожалению, относится к их числу), переход к новой системе будет болезненным. Вертикально интегрированные госкорпорации и режим ручного управления нефтегазовым сектором слабо адаптированы к глобальной гонке инноваторов.

Демилитаризация энергетического рынка стала, пожалуй, самой интересной нефтяной тенденцией уходящего года. Если она продолжится, то это будет иметь долгосрочные глобальные последствия для всех производителей нефти. Кто из них окажется более приспособленным к этой новой системе, покажет наступающий год.